

Джейме
Баллард

Ψ

Джеймс Грэм Баллард
Двенадцатая дорожка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155466

Содержание

Двенадцатая дорожка

4

Мечь изобретателя

14

Джеймс Боллард

Двенадцатая дорожка

Двенадцатая дорожка

– А ну, попробуйте теперь угадать вот это, – предложил профессор Шерингэм.

Макстид снова напялил наушники. Как только диск проигрывателя завращался, он был весь внимание.

Вначале он услышал дробное металлическое пощелкивание, словно в трубу бросили горсть железных опилок. Это длилось всего десять секунд, а затем сменилось писком радиосигналов.

– Ну? – быстро спросил Шерингэм.

Макстид снял наушники и потер рукой ухо. Не час и не два, а уже несколько часов Шерингэм заставлял его слушать записи из своей коллекции, и наушники порядком надавили ему уши.

– Это может быть все, что угодно. Например, таяние кубика льда? – наугад ответил Макстид.

Шерингэм так энергично замотал головой, что даже затряслась его короткая борода.

– Ну тогда – столкновение двух галактик, – пожал плечами Макстид.

– Нет, не угадали. Звуковые волны не преодолевают космические расстояния. Хорошо, я помогу вам. Это имеет отношение к пресловутому звуку из известной поговорки. – Игра в вопросы и ответы явно доставляла удовольствие профессору Шерингэму.

Макстид раскурил сигарету и бросил горящую спичку прямо на стол. Он с нескрываемым удовольствием смотрел, как, догорая, она оставляет безобразный темный след на крышке рабочего стола в лаборатории профессора. Он чувствовал, как нервничает стоящий рядом Шерингэм.

Напрягая мозги, Макстид старался придумать ответ позабористей.

– А что, если это муха...

– Ваше время истекло, – резко прервал его профессор. – Ну так вот, извольте – это звук падающей булавки. – Он снял пластинку с проигрывателя – на ней, как заметил Макстид, было всего три дорожки – и поставил ее на свое место на полке.

– Записан только момент полета в пустоте, но не момент падения. Использована труба длиной пятьдесят футов, в которую вмонтировано восемь звукоулавливающих устройств. Я надеялся, что вы хоть на этот раз угадаете...

Он вытащил еще одну пластинку, на этот раз двенадцатидорожечную. Пока Шерингэм устанавливал ее на проигрывателе, Макстид поднялся со стула и посмотрел в окно на уютный внутренний дворик, где в вечерних сумерках туск-

ло поблескивали на столике графин и стаканы. Он внезапно почувствовал раздражение от того, что столько часов терпит этого Шерингэма и его дурацкие детские выдумки.

– Выйдем на свежий воздух, – недовольно буркнул он, протискиваясь между столом и усилительной установкой. – У меня в ушах гудит.

– О, с удовольствием, – быстро согласился профессор и с особым тщанием и осторожностью закрепил пластинку на диске проигрывателя. – Это последняя запись. Так сказать, на закуску.

Вечер был теплый. Шерингэм зажег японские фонарики, и оба с удовольствием опустили в плетеные садовые кресла и вытянули ноги. Удобно откинувшись на спинки, они смотрели на темнеющее вечернее небо.

– Надеюсь, вам не было скучно? – спросил Шерингэм, подвигая Макстиду графин с виски. – Коллекционирование микроразвлекательных звуков – увлекательнейшее занятие. Боюсь, что у меня это уже не просто хобби, а чистое помешательство.

Макстид неопределенно хмыкнул.

– Некоторые записи весьма любопытны, – согласился он. – В них есть эдакая сумасшедшинка экспериментирования, как, например, сильно увеличенные снимки головы ночной бабочки или лезвия бритвы. Несмотря на ваши прогнозы, мне кажется, микросоника никогда не найдет практического применения. Это всего лишь лабораторные игры.

Шерингэм покачал головой.

– Вы ошибаетесь, Макстид. Seriously ошибаетесь. Помните запись деления живой клетки. Мы начали прослушивать именно с нее. Усиленный в сто тысяч раз звук был похож на грохот рушащихся балок, треск и скрежет рвущихся стальных листов. Вы сами сказали, что это напоминает замедленную запись автомобильной катастрофы. По сравнению с этой записью деление клетки растения прозвучало как электронная поэма, в которой была своя мелодия, своя мягкая тональность. Это убедительно подтверждает, какая огромная пропасть лежит между животным миром и миром растений.

– Слишком заумный способ доказательств, профессор. Есть способы попроще, – заметил Макстид, разбавляя виски содовой. – Так, чего доброго, вы станете определять скорость своего автомобиля по звездам. Что ж, это тоже возможно, но не проще ли взглянуть на спидометр?

Шерингэм кивнул головой, не сводя взгляда с Макстида. Было похоже, что его интерес к этой теме уже угас. Оба какое-то время сидели молча, держа стаканы в руках. Казалось, никогда еще их столько лет скрываемая взаимная неприязнь не была столь очевидной. Их отличало все – характер, манеры и, бесспорно, физический облик. Высокий, грузный, с грубоватым, по-своему красивым лицом, Макстид, удобно лежа в кресле, думал в эту минуту о Сьюзан Шерингэм. Она была на вечеринке у Терноболлов, и если бы не необходимость соблюдать осторожность, он тоже был бы там.

Он мог бы провести этот вечер с ней, а не с ее нелепым и смешным коротышкой мужем.

Он старался смотреть на Шерингэма как можно более равнодушно и отстраненно, гадая, однако, какие преимущества мог иметь перед ним этот скучный, малопривытный человек, педант с академически засушенными мозгами и таким же чувством юмора. Ровным счетом никаких на первый взгляд. Однако надо было обладать известным мужеством и чувством достоинства, чтобы пригласить в гости соперника, как это сделал Шерингэм сегодня. И, видимо, неспроста. Мотивы у него, бесспорно, есть, от него всего можно ожидать.

Предлог был, правда, явно надуманным. Шерингэм – профессор биохимии в местном университете, владелец великолепно оборудованной лаборатории, о которой ходили легенды. А он, Макстид, в прошлом дисквалифицированный спортсмен, работает ныне торговым агентом в одной из фирм, производящих электронные микроскопы. Шерингэм вдруг сам позвонил ему и предложил встретиться, намекнув, что встреча может представлять обоюдный интерес.

Разумеется, о деле пока не было сказано ни слова, не упоминалось и имя Сюзан, которая была, без сомнения, главным звеном в этой шараде. Макстид прикидывал возможные варианты неприятного объяснения, которое неизбежно последует. Как это все произойдет? Нервное метание обманутого мужа из угла в угол, предъявление компрометирующих фотографий, пощечина? В этом Шерингэме есть что-то от

зловредного испорченного мальчишки.

Внезапно что-то вернуло его к действительности. Заметно похолодало, словно включили кондиционер. Он почувствовал, как по телу поползли мурашки от струи холодного сквозняка, потянувшего по ногам, а затем дохнувшего в затылок. Он взял стакан и допил остаток виски.

– Холодно у вас здесь, – промолвил он.

– Вы так считаете? – рассеянно спросил Шерингэм и посмотрел на часы. Казалось, он к чему-то прислушивается, словно ждет сигнала. Наконец, встряхнувшись, со странной полуусмешкой он сказал: – Ну вот и настало время прослушать последнюю.

– Вы это о чем? – спросил Макстид.

– Сидите. – Шерингэм встал. – Я сейчас включу проигрыватель. – Он указал на рупор усиливающего устройства за спиной Макстида и все с той же ухмылкой исчез в доме.

Ежась от холода, Макстид смотрел на вечернее небо и ждал, когда наконец перестанет дуть этот неприятный сквозной ветер, который как нож вспорол теплый вечерний воздух над двориком.

В рупоре за его спиной послышалось слабое потрескивание, неожиданно повторенное множеством других невидимых рупоров, спрятанных, как вдруг понял Макстид, в живой изгороди дворика.

Недоуменно покачав головой, Макстид подивился чудачествам профессора и решил налить себе еще виски. Он по-

тянулся через стол к графину, но странная тяжесть в теле помешала ему. Он снова плюхнулся в кресло. Ему казалось, что желудок наполнен тяжелой, холодной, как лед, ртутью, не позволяющей сдвинуться с места. Он снова попытался встать и взять стакан, но лишь неловко задел его и тот откатился на другой конец стола. Кружилась голова, и Макстид тяжело облокотился о стеклянную крышку стола, чувствуя, как голова клонится все ниже и опускается на руки.

Когда он наконец поднял ее, он увидел перед собой Шерингэма, с сочувственной усмешкой глядящего на него.

– Неважно себя чувствуете? – участливо спросил он.

Тяжело дыша, Макстид с трудом откинулся на спинку кресла и попытался что-то ответить Шерингэму, но все слова куда-то исчезли, он попросту забыл их. Сердце странно замирало, гримаса боли исказила его лицо.

– Не стоит волноваться, – успокоил его Шерингэм. – Свертываемость крови – всего лишь побочный эффект, это пройдет.

Он спокойно прохаживался по плитам дворика, наблюдая за Макстидом то с одной, то с другой стороны. Явно удовлетворенный, он наконец присел к столу и, взяв сифон с содовой, круговыми движениями взболтнул содержимое.

– Хромисто-цианокислая соль. Подавляет процесс ферментации, контролирующей водный баланс в организме. Усиливает выбросы гидроксильных ионов в кровь. Короче, Макстид, вам предстоит утонуть. Да, да, утонуть! Но не так,

как это случилось бы с вами в любом естественном водоеме. Вы утонете в самом себе, Макстид. Однако не буду вас отвлекать.

И, склонив голову набок, он стал прислушиваться к звукам, доносившимся из рупоров и постепенно заполнявшим дворик. Это были странные приглушенные чмокающие звуки, похожие на плеск волн, лижущих упруго податливый берег. Заглушая их неровный сбивчивый ритм, где-то тяжело, с присвистом работали кузнечные меха. Сначала негромкие, звуки все усиливались, пока не заглушали даже привычный шум соседнего шоссе.

– Фантастика, не правда ли? – воскликнул Шерингэм. Небрежно размахивая сифоном с содовой, он перешагнул через вытянутые ноги Макстида и подкрутил что-то в одном из репродукторов. Профессор, казалось, помолодел лет на десять, он был в отличном настроении, движения его были легки и быстры.

– Высокочастотные усилители, четыреста микросон, усиливают звук в тысячу раз. Я немного смягчил его в записи, но все равно непостижимо, как даже божественные звуки могут превратиться в нечто оскорбляющее слух человека. Уверен, что вам ни за что не угадать, что здесь записано!

Макстид тяжело колыхнулся в кресле. Ртутное озеро на дне желудка было холодным и бездонным, как океанская впадина, руки и ноги непомерно раздулись, как у утопленника, долго пролежавшего в воде. Он видел перед собой воз-

бужденно прыгающего Шерингэма, слышал непрекращающийся далекий шум прибой. Шум обрушивающихся водяных валов становился все ближе. Вздываясь, они громко лопались, как пузыри кипящей лавы.

– Знаете, Макстид, сколько времени у меня ушло на то, чтобы записать все это? – жестикулируя рукой с сифоном, кричал ему профессор. – Целый год! – Он стоял, широко расставив ноги, над обмякшим в кресле Макстидом. – Вы не представляете, чего мне стоил этот проклятый год! – На мгновение он вдруг умолк, но тут же прогнал прочь неприятные воспоминания. – В прошлую субботу после полуночи вы с Сьюзан сидели в этом кресле. Вам известно, Макстид, что здесь повсюду установлены микрофоны? Совсем небольшие, величиной с обыкновенный карандаш, с автоматической фокусировкой на источник звука. Лишь в одной спинке вашего кресла их вмонтировано целых четыре. – Затем профессор добавил, словно в посткриптуе. – Сквозняк – это ваше собственное дыхание, вначале относительно спокойное, как мне помнится, но зато потом ваши пульсы, бившиеся в унисон, создали этот эффект грома.

Макстид плыл куда-то, погруженный в волны звуков.

Вскоре он уже не видел ничего, кроме огромного лица Шерингэма, его разинутого рта и дергающейся бородки.

– Макстид! – вопил профессор. – Я даю вам еще шанс – сделайте еще две попытки угадать! Попробуйте сосредоточиться! – Но грохот прибой заглушил его слова, и Макстид

ничего не услышал. – Давайте, старина, постарайтесь же! Вы слышите меня, Макстид?

Профессор подскочил к одному из репродукторов и усилил звук, который, вырвавшись из замкнутого пространства двора, гулким эхом улетел в ночную тишину.

Сознание Макстида меркло, он был всего лишь крохотный островок, безжалостно размываемый накатывающимися на него волнами.

– Макстид, вы слышите шум моря? – кричал ему прямо в ухо вставший возле него на колени Шерингэм. – Вы догадываетесь, где вам суждено утонуть?

Гигантские водяные валы, нависая один над другим, неумолимо двигались на Макстида.

– Вы тонете, Макстид! – торжествующе вопил Шерингэм. – Тонете в вашем с ней поцелуе!..

Еле видневшуюся вершину островка накрыла набежавшая волна, и все исчезло в морской пучине.

Месть изобретателя

(Комментарий физика)

Герой рассказа английского фантаста Джеймса Г. Балларда не оригинален, коллекционируя звуки, Марк Твен описывает одного чудака, который «собирал»... эхо: скупал участки земли, где воспроизводились чем-либо замечательные эхо. Оригинальность рассказа Балларда в другом.

Любой природный процесс, происходящий в воздушной среде, сопровождается звуком. Мы не слышим его в двух случаях: или он очень тихий, или неслышимой частоты. Как известно, человеческое ухо воспринимает колебания воздуха с частотой от 16 до 20000 герц. Вне этих пределов лежит инфразвук и ультразвук, которые мы не слышим (например, писк летучей мыши).

У некоторых людей восприимчивость к звуку еще более ограничена. Известный английский физик Джон Тиндаль (1820-1883) рассказывает о прогулке с одним своим приятелем: «Луга по обеим сторонам дороги кишели насекомыми, которые для моего слуха наполняли воздух своим резким жужжанием, но мой друг ничего этого не слышал: музыка насекомых лежала вне границы его слуха».

Громкий звук может разорвать барабанные перепонки, если его «шумность» 185 дБ, и даже – легкие при 195 дБ. Также и инфра– или ультразвук может приносить пользу или вред. Так что звук вполне может служить орудием убийства. Вот это-то свойство звука и использует герой рассказа, ревнивый изобретатель, чтобы избавиться от соперника. Тому кажется, что он тонет в морской пучине, а он погибает под воздействием мощного неслышимого звука, разрушающего клетки его организма.

*Кандидат физико-математических
наук В. ЛИШЕВСКИЙ.*